

Коршунова Ольга Николаевна, Салимгареев Максим Владимирович

**ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ КАК
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

В статье рассматривается история идейных исканий дореволюционной интеллигенции в контексте отечественной интеллектуальной культуры. Выявлена культурно-историческая обусловленность направлений и форм интеллектуальных поисков нарождавшегося слоя интеллигенции. Авторы резюмируют, что интеллигенция в переломную эпоху модернизации явилась мощным катализатором ключевых политических, социальных и духовных процессов в российском обществе.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/7/24.html

Источник

**Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и
искусствоведение. Вопросы теории и практики**

Тамбов: Грамота, 2017. № 7(81) С. 91-94. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/7/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 930.1

Исторические науки и археология

В статье рассматривается история идейных исканий дореволюционной интеллигенции в контексте отечественной интеллектуальной культуры. Выявлена культурно-историческая обусловленность направлений и форм интеллектуальных поисков нарождавшегося слоя интеллигенции. Авторы резюмируют, что интеллигенция в переломную эпоху модернизации явилась мощным катализатором ключевых политических, социальных и духовных процессов в российском обществе.

Ключевые слова и фразы: история; дореволюционная интеллигенция; разночинцы; модернизация; интеллектуальная культура; российское общество.

Коршунова Ольга Николаевна, д.и.н., профессор

Салимгареев Максим Владимирович, к.и.н.

Казанский национальный исследовательский технологический университет

felix_kor@mail.ru; msalimga.dis@mail.ru

**ДОРЕВОЛЮЦИОННАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ И ЕЕ ДУХОВНЫЕ ИСКАНИЯ
КАК СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФЕНОМЕНЫ РОССИЙСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ**

История дореволюционной интеллигенции и ее идейных исканий имеет обширную историографию, однако изучение ее с позиций социокультурного и антропологического подходов не потеряло актуальности. Еще автор первого систематизированного труда по философии истории Дж. Вико считал, что о прошлом человечества рассказывают не столько дела, сколько человеческие мысли, объективированные в языке, преданиях, мифах. В последнее десятилетие в отечественной исторической науке набирает обороты интеллектуальная история [12]. Будучи совокупностью исследовательских областей, среди которых история философии, философия истории, история науки, литературы, искусства, понятий, политической мысли, идеологий, социальная история идей, она являет собой междисциплинарное поле, в котором интеллектуальная и социальная жизнь дореволюционной интеллигенции высвечивается в новом ракурсе.

С XVIII столетия в России появился особый, поначалу незначительный слой городских жителей: музыкантов, художников, актеров, писателей и поэтов, создателей эстетических и этических эталонов, ставших родоначальниками пространства отечественной интеллектуальной культуры. Они были разного социального происхождения, в том числе и дворянского. Именно привилегированная часть российского общества в силу объективных обстоятельств стала социальным катализатором, который, начиная с А. С. Пушкина и декабристов, ускоряет формирование общенациональной культуры и участвует в формировании интеллигенции. Как отмечает А. Г. Глинчикова, формирование интеллигенции «стало в России большим политическим делом русского дворянства романовской эпохи, его призванием, его миссией и его вкладом в преодоление внутреннего колониального раскола и формирование российского национального единства» [3, с. 550].

Модернизационные процессы второй половины XIX века порождают особый социальный слой разночинцев с противоречивой социальной миссией. А. Ф. Замалеев характеризует разночинца так: «Прежде всего, это социальный “отщепенец”: он порывал с любой общественной группой или сословием, из которых происходил, освобождаясь от их миропонимания и психологии» [4, с. 177]. «Отщепенство» разночинца позволяло проявить весь активистский настрой, всю живость ума, на которую он был только способен, приспособлявая его к разным формам социальной самоорганизации, начиная от жизни в подпольных коммунах и заканчивая хождением в народ. Могли ли разночинцы взять на себя роль интеграторов, преодолевающих глубокий исторический разрыв между социальными слоями российского общества? Могли ли они создать особое духовное пространство, где возникает устремленность к социально-позитивным, гуманистическим ценностям, где формируется «такая смыслообразующая позиция личности в мире, которой человек открывает себя миру, а также другому человеку как единичному носителю родовой человеческой сущности» [5, с. 24]. Возможно. Однако являясь маргиналами и не имея политических прав и доступа к власти, разночинцы поначалу выступили как критики сложившейся общественной модели и политического режима.

Центром движения стал журнал «Современник», популярный в среде разночинной молодежи, стремившейся активно участвовать в ключевых вопросах происходящей общественной трансформации. Обретение новых социальных, политических ориентиров происходило преимущественно на ниве литературного творчества, которое в эту эпоху стало мощным камертоном духовной жизни России [17, с. 161].

По словам С. Л. Франка, «в России наиболее глубокие и значительные мысли и идеи были высказаны не в систематичных научных трудах, а в литературной форме. Мы видим, – продолжает Франк, – здесь художественную литературу, пронизанную глубоким философским восприятием жизни» [15, с. 98]. Литература отразила возникновение особой формы ментальной коммуникации, которая выполняла объединяющую функцию, порождая особое внеконфессиональное, универсалистское мироощущение, оно преодолеvalo межкультурные барьеры между Россией и Европой. В то же время ее светская и рационалистическая ориентация в условиях, когда российское общество полностью не завершило религиозно-нравственную трансформацию, питало надежду на «перешагивание» этого важного этапа духовного развития на пути происходящего социально-политического реформирования.

Важно отметить, что русская литература в момент формирования интеллигенции постулировала этические проблемы, в центре которых была индивидуализация личностного начала как ключевой ценности. Мощная литературная манифестация этой «восходящей индивидуализации», удивительно сопряженной с всечеловечностью, всколыхнула не только интеллигенцию, но и все общество. Наметилась особая глубина осмысления, дающая русской национальной культуре возможность обретения общемирового значения [6, с. 19]. Именно с этого момента можно говорить о появлении новой волны консолидации.

Уже на первых порах этого процесса в умах рефлексировавшей части интеллигенции наметились два ключевых вектора развития мысли. В одном из первых, ведущих свое начало еще от А. С. Пушкина, вызревало понимание, что глубинная трансформация социальной, политической, экономической реальности России невозможна без ликвидации нравственных язв, разрушительно воздействующих на общество. В противном случае всякие внешние и в особенности насильственные по отношению к существующей власти попытки добиться справедливости и качественных социальных изменений могут обернуться сначала бессмысленным и беспощадным кровавым смерчем, а затем превратиться в тиранию.

Другое направление, исторически возникшее немного позднее на волне активизации разночинной интеллигенции, было в большей степени нигилистическим. Оно видело корень зла в социально-экономической и политической модели общественного устройства и острее своей критики направляло на внешние формы социальной и экономической жизни [16]. Оппозиционное по отношению к официальной идеологии течение рассматривало власть как инстанцию, которая препятствует обретению политических прав. Важнейшей задачей этого направления становится борьба за гражданские и политические свободы.

В то же время оба вектора объединяла напряженная устремленность к благу народа, ощущаемая как долг перед ним. Получив доступ к духовным благам и, прежде всего, к образованию, дававшему разностороннее понимание жизни, интеллигенция обнаружила обостренную способность к сопереживанию, к отождествлению себя со всеми людьми. Эта способность смешивалась с чувством персональной ответственности за нравственное убожество существовавших устоев, за моральное уродство своей отчизны; это глубинное качество с разной степенью интенсивности порождало представителях этого слоя чувство определенной солидарности, единомыслия. Все они сходились в убеждении, что оценка другого человека как средства наживы и обретения благополучия противоестественна. В этом народники не видели ни правды, ни чести, а только дикость бессердечия. В этом скрывалось их важное послание ко всему обществу и, прежде всего, к политической элите царской России.

Русские литераторы принялись сооружать незримый «мост» между духовной и социальной жизнью страны, соотнося новые идеалы с действительностью. Журналы А. И. Герцена, Н. А. Некрасова, М. Е. Салтыкова-Щедрина, Г. Е. Благовестова, Д. И. Писарева, М. М. Стасюлевича, Н. К. Михайловского были чуждыми официальной идеологии интеллектуальными центрами, в которых кристаллизовались идеи, воздействовавшие на передовое российское общество. Так, постепенно в водовороте литературной полемики середины XIX столетия зародилась особая идеологизированная программа, направленная на фронтальное подчинение культуры политической сфере, на поиск быстрых и радикальных путей обретения социальной справедливости [13, с. 362, 370, 375].

Важным идейным оселком, определенной системной составляющей мировоззрения русской разночинной интеллигенции второй половины XIX века было, по выражению П. В. Струве, безрелигиозное антигосударственное отщепенство [9, с. 10]. В жгучем стремлении подорвать основы политической идеологии, покоящейся на формуле «милостью божией», представители этой части интеллигенции активно исповедовали атеизм, высмеивали религиозные ценности, подчеркивали социальную и культурную беспомощность русской православной церкви и развенчивали роль церкви как фактора формирования духовных скреп общества.

В 60-е и 70-е годы разночинные интеллигенты выступают не просто оппозиционерами по отношению к государственной власти. Имела место определенная политическая ревность. Те, кто называл себя народниками, находились в состоянии постоянного доказательства всем и себе, прежде всего, что они любят народ больше, чем кто бы то ни было, даже больше, чем государь-император. Поэтому основной акцент в их деятельности направлен на политическую сферу и основной целью представляется обладание политическими свободами, которые в то же время являются неотъемлемой частью прав гражданских, а именно неприкосновенности частной собственности, равенства перед законом и так далее [7, с. 159]. Отсюда особая восприимчивость к различным социалистическим учениям, которые снимают ряд острых вопросов, связанных с экономическим и социальным неравенством, гражданскими свободами в том виде, как они сформировались и функционировали в европейской политико-правовой сфере.

Присягнув, таким образом, социалистической доктрине, большая часть разночинной, народнической интеллигенции отвергла иные способы решения общенациональных задач. Такая реакция интеллигенции свидетельствовала не только об ее недостаточной зрелости, но и об узости реальных возможностей гражданской самореализации. Для нее не существовало авторитетов среди генераторов великой русской культуры, хотя идеи народничества глубоко проникли в музыку, живопись, поэзию, литературу [1, с. 71].

Между тем во второй четверти столетия, после неудавшегося «хождения в народ», в сознании народников происходит некоторое отрезвление. Народ, по оценке народнического публициста Оболенского, «не подтвердил блестящих ожиданий радикально настроенной молодежи, а именно ее юной веры в способности русского мужика идти путем европейского развития. Кто же виноват в этом, как не сами народолюбцы, которые возвели народ в какую-то религию и в ужасе отшатнулись от горе-божка, когда действительная деревня предстала перед ними со всеми своими красками и безобразиями» [11, с. 185].

Критический настрой к народнической идеологии со временем стал усиливаться в среде либерального крыла русской интеллигенции, для которой на первом месте стояла проблема возможности в России «позитивного

дела», творимого не революционными методами, а постепенными, эволюционными изменениями российской жизни. Одним из первых, кто еще на волне всеобщего патетического умиления посмотрел в сторону народа критичным взглядом, был писатель Г. И. Успенский [14, с. 208]. Понимая значимость ментальных основ социальной гармонии, он отказывался от тотальной идеализации русского мужика, в котором в то время никто не хотел замечать грубость, жестокость и корыстолюбие. Успенский призвал не к избавлению от внешней политико-правовой несправедливости, но к глубинному просветлению нравственности народа, к ликвидации его укорененного невежества.

Избавление от догматических революционно-демократических идеологем, восходящих к идейному наследию патриархов народничества, возникло после 1 марта 1881 года. Убийство Александра II способствовало трансформации духовных поисков отечественной литературной интеллигенции. Прежний радикализм не исчез, но он видоизменился. Его мощный потенциал был теперь обращен к самым неожиданным вопросам, через призму которых переосмысливались прежние мировоззренческие установки. Кипучая энергия повсеместного обновления из политико-социальной сферы была перенесена в область изобразительных искусств, музыки, балета, драматического театра, а также философии.

Новое поколение интеллигенции вслед за радикальными разночинцами искало эстетические и философские принципы обоснования самоценности культурных основ человеческой жизни. Обновляющиеся принципы восприятия социальной реальности вызывали к жизни внутренние конфликты, что ярко проявилось, например, в среде передвижников. Стремление молодежи 1880-1890 годов преодолеть перманентную устремленность своих предшественников на борьбу с действительностью выводило их творчество за горизонт социально-политической злободневности. В среде художественной интеллигенции возникло устойчивое понимание, что чрезмерная политизация искусства сужает его идейное пространство, уменьшает спектр используемых приемов. Явственное неприятие установок своих предшественников перевело внимание передовых художников и литераторов творчества к поиску нового эстетического и духовного идеала.

На рубеже веков возникли направления направления философской и эстетической мысли, углубляющие понимание красоты как интегрального принципа, объединяющего сферу человеческой культуры и бытия природы. Новая волна художников, поэтов, писателей, композиторов направила свои усилия на совершенствование формы, стремилась к раскрытию потенциала альтернативных художественных ценностей. Наступило время безудержного новаторства. Появилось множество направлений в искусстве. Это время вошло в историю отечественной культуры как эпоха серебряного века, когда все культурное пространство России наполнилось особыми смыслами. Отсюда берет начало предзакатный духовный ренессанс русской культуры.

Духовные искания в эти годы вошли в такую стадию, когда в мировоззрении художественной интеллигенции обозначилось два направления. Если первое пыталось раскрыть онтологию естества с ориентацией на антропологизм, как философский, так и естественнонаучный, то второе погрузилось в онтологию символизма культуры и делало ставку на отыскание ее фундамента в ней самой, в бесконечном многообразии социального и личностного функционирования символических форм. Ключевой мотив большинства отечественных символистов – поиск и отыскание абсолютной свободы человеческого духа, прежде всего, в литературе, а лишь затем в социальном и социокультурном творчестве. В результате возникла определенная вовлеченность в общественную жизнь предреволюционной России.

Все это соотносилось с болезненным проявлением раскола между разнообразными сферами российской культуры, который отразила в себе отечественная интеллигенция. Ее наиболее радикализированная часть с головой ушла в реализацию своих политических притязаний, другая была погружена в большей степени во внутренние поиски. Последняя, стремясь вырваться за границы повседневной обыденности, приняла за мироощутительную основу представление, что все душевные переживания есть безусловное благо, вне зависимости от их целесообразности и последовательности. Жизнь этой части творческой интеллигенции была перенасыщена разнообразными переживаниями, что имело своим следствием глубочайшую опустошенность [17, с. 180]. Свидетельством тому может служить не только разнообразные религиозно-философские столичные собрания и общества, но и множество периодических изданий, альманахов, сборников, обративших внимание читателей на проблемы синтеза религиозно-философских и общественных вопросов.

Такое необычное соединение придавало общеизвестным политическим, социальным идеям интеллектуально-эпатирующую новизну, а их спонтанная ассоциативность и крайняя абстрактность вносила в традиционные идеалы отечественного радикализма символическую соразмерность, глубокий эстетический и нравственный смысл. Постепенно в условиях усиливавшегося политического кризиса обострялось особое, болезненное предчувствие грядущей катастрофы, которое порождало стремление к поиску средств спасения. Так вызревала особая этико-философская доктрина, которую выдвинули интеллигенты-богоискатели начала прошлого века. По их мысли, она могла стать важным средством минимизации конфликта между индивидом и миром, между личностью и социальной средой.

Желая истинного и обновленного христианства, стремясь к религиозной реконструкции, богоискатели признавали человека внутреннего за основу всяких позитивных общественных преобразований. Призыв к полнокровности жизни через деятельную веру и христианское сознание, к принятию реальности и ее соразмерности человеку посредством духовной сопряженности с источником всего сущего соотносился для них с духовной свободой личности, понимаемой в целом радикально. Провозглашая такого рода индивидуализм, богоискатели хотели, чтобы раскрепощенный в духе человек, живущий для вечности, вошел в революционное братское единение со всеми принявшими обновление и в этой вселенской солидарности люди смогли бы привести весь тленный мир к вечной жизни.

Однако для другой части интеллигенции было вполне очевидно, что религия грядущего Богочеловечества не совпадает ни с революцией, ни с государственностью. Взаимная вражда многоликих сил политической оппозиции и Российской империи – это взаимная и опасная борьба горделивого, самоутверждающегося человеческого своеволия. Действуя в своих эгоистических интересах, эти стороны боготворят себя, что мешает самопроявлению Бога. Оттого христианин не может примкнуть к революции, ибо нельзя «насилом вымогать общественную правду» [2, с. 373].

И все же духовные искания интеллигенции не смогли предотвратить революционной бури. Русская интеллигенция всегда была идейной, ибо стремилась к созданию определенных мыслительных каркасов, в которые необходимо втиснуть весь общественный организм, все разнообразие его жизни. Поэтому вполне закономерно, что определенная часть интеллигенции, с головой погружившаяся в идеалы социализма, восприняла ее как панацею. Поверив в светлое будущее, в лучшую жизнь, приобретаемую кровавым путем, она прониклась к ней мечтательной, абстрактной, беспощадной устремленностью, что подготовило первую русскую революцию.

Симптоматичной реакцией на нее стал известный сборник «Вехи». Многие его авторы были в свое время очарованы марксизмом, однако со временем все они отказались от идеи необходимости радикальных способов решения общественных проблем. У либерально настроенной интеллигенции, чьи идеи были выражены в текстах этого сборника, возникло четкое рефлексивное понимание, что в революции, несущей разрушение и социальный надлом, ответственна российская интеллигенция и свойственный ей склад ума. П. Струве писал: «Поскольку русская идейная жизнь связана с духовным развитием других, дальше нас ушедших стран, процессы, в них происходящие, не могут не отражаться на состоянии умов и в России. Русская интеллигенция как особая культурная категория есть порождение взаимодействия западного социализма с особыми условиями нашего культурного, экономического и политического развития» [13].

Таким образом, на протяжении второй половины XIX – начала XX века интеллигенция как продукт очередного витка развития российской цивилизации представляла особый социокультурный феномен со своими особыми идейными устремлениями, обусловленными, с одной стороны, отчужденностью от других социальных слоев, а с другой – органичной связью с ними. Призванная солидаризировать общество на началах общекультурной, интеллектуальной целостности, сама интеллигенция не имела ее в достаточной полноте. И все же реализация этой важной социальной роли требовала интенсивного идейного поиска как минимум в двух направлениях: в обретении формулы прогресса и в глубинном самопознании. Находясь в своеобразном маятниковом движении между этими двумя полюсами, отечественная интеллигенция отразила противоречия исторической действительности, став при этом мощным катализатором важных политических, социальных и духовных процессов, происходивших в ту переломную эпоху.

Список источников

1. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Наука, 1990. 224 с.
2. Бердяев Н. А. К вопросу об отношении христианства к общественности // Век. 1907. № 24. С. 370-375.
3. Глинчикова А. Г. Россия и Европа: два пути к современности. М.: Культурная революция, 2014. 608 с.
4. Замалеев А. Ф. Лепты. Исследования по русской философии. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского университета, 1996. 320 с.
5. Лившиц Р. Л. Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург: Изд-во Уральского университета, 1997. 152 с.
6. Лосский Н. О. История русской философии. М.: Высшая школа, 1991. 560 с.
7. Мокшин Г. Н. Идеологи легального народничества о русской интеллигенции. Воронеж: Научная книга, 2007. 356 с.
8. Репина Л. П. Интеллектуальная культура как маркер исторической эпохи // Диалог со временем. М.: Едиториал УРСС, 2008. Вып. 22. С. 5-15.
9. Свенцицкий В. Кто спасется? // Новая Земля. 1912. № 9-10. С. 8-10.
10. Скабичевский А. М. Глеб Успенский как разрушитель иллюзий // Русь. 1882. № 3. С. 21-22.
11. Созерцатель. [Оболенский Л. Е.] Обо всем // Мысль. 1882. № 10. С. 185-186.
12. Соловьев Вл. Идолы и идеалы // Вестник Европы. 1891. Т. II. С. 357-376.
13. Струве П. Б. Интеллигенция и революция // Струве П. Б. Избранные сочинения. М.: РОССПЭН, 1999. С. 351-384.
14. Франк С. Л. Русская философия, ее характерная особенность и задача // Франк. С. Л. Русское мировоззрение. СПб.: Наука, 1996. С. 205-210.
15. Франк С. Л. Этика нигилизма // Франк С. Л. Сочинения. М.: Правда, 1987. С. 77-182.
16. Шеррер Ю. Религиозно-философские искания в России в начале XX века // История русской литературы. Серебряный век / под ред. Ж. Нива, И. Серман, В. Страды, Е. Эткинда. М.: Изд. группа «Прогресс»-«Литера», 1995. С. 180-209.
17. Яковенко Б. В. Мощь философии. СПб.: Наука, 2000. 974 с.

PRE-REVOLUTIONARY INTELLECTUALS AND THEIR SPIRITUAL SEARCH AS SOCIOCULTURAL PHENOMENA OF RUSSIAN CIVILIZATION

Korshunova Olga Nikolaevna, Doctor in History, Professor
Salimgareev Maksim Vladimirovich, Ph. D. in History
Kazan National Research Technological University
felix_kor@mail.ru; msalimga.dis@mail.ru

The article examines the history of the ideological search of pre-revolutionary intellectuals in the context of domestic intellectual culture. The paper identifies cultural-historical dependency of trends and forms of intellectual search of the intellectual stratum that was forming at that time. The authors conclude that the intellectuals were a powerful catalyst of the key political, social and spiritual processes in the Russian society in the crucial period of modernization.

Key words and phrases: history; pre-revolutionary intellectuals; commons; modernization; intellectual culture; Russian society.